

7. Соснина Е. П. О разработке и использовании русского учебного корпуса переводов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2006». СПбГУ. 2006. С. 365-373.
8. Степанова М. М. Анализ переводческих ошибок в подготовке преподавателей перевода // Дидактика перевода: Материалы научной конференции / под ред. проф. В. Н. Базылева. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2010. 96 с.
9. DipTrans <http://www.iol.org.uk/qualifications/DipTrans/DipTransHandbook.pdf>.
10. Hatim B., Mason I. The translator as communicator. London: Routledge, 1997. 244 p.
11. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta, 46 (2), 2001. P. 244-257.
12. Schutz J., Nubel R. Evaluating Language Technologies: The MULTIDOC <http://www.iai-sb.de/docs/amta98-lncs.pdf>.
13. Macklovitch E., Lapalme G., Chan N. Term-spotting with TransCheck: A Capital Idea <http://rali.iro.umontreal.ca/rali/sites/default/files/publis/TermSpotting-TLS09-final.pdf>
14. Nord C. Text Analysis in Translator Training. Amsterdam et Philadelphie, John Benjamins, 1992. 274 p.
15. Papineni et al. BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation <http://acl.ldc.upenn.edu/P/P02/P02-1040.pdf>.
16. Pym A. Translation error analysis and the interface with language teaching // The Teaching of Translation, Ed. Cay Dollerup & Anne Loddegaard. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 279-288.
17. Secară A. Translation Evaluation: a State of the Art Survey. — Centre for Translation Studies, University of Leeds <http://www.leeds.ac.uk/cts/research/publications/leeds-cts-2005-03-secara.pdf>.
18. Sosnina E. Russian Translation Learner Corpus: The First Insights The proceedings of the 6 international scientific conference «Interactive systems: problems of human-computer interaction». Ulyanovsk: USTU, 2005.
19. Waddington C. Different Methods of Evaluating Student Translations: the Question of Validity // Meta, 46 (2), 2001. P. 312-325.
20. Williams M. Translation Quality Assessment // Mutatis Mutandis. Vol 2. № 1. 2009. P. 3-23.

М. Н. ЛАЗАРЕВА

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В ПРИКЛАДНОЙ НАУКЕ (на материале французского языка)

АННОТАЦИЯ: *Разная целевая направленность фундаментальной и прикладной наук, изучающих растения, связана с противопоставлением категорий «естественного» и «искусственного классов». Эти категории указывают на различные способы существования объектов познания окружающего мира и обуславливают структурно-семантическое своеобразие, как самих терминов, так и соответствующих терминологий.*

SUMMARY: *Different target orientation of fundamental and applied sciences studying plants is connected with the "natural" and "artificial" categories opposition. These categories point to the various modes of existence of the surrounding*

world objects cognition. They also explain the structural and semantic peculiarities of both the terms, and the relevant terminology.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *терминология фундаментальной и прикладной наук, названия растений и растительного сырья.*

KEY WORDS: *terminology of fundamental and applied sciences, names of plants and vegetal drugs.*

Целью данной статьи является попытка обосновать причины несовпадения принципов упорядочения и номинации терминов-фитонимов, обслуживающих разные области знания. До настоящего времени, насколько нам известно, в исследованиях по терминологии не представлены работы, рассматривающие особенности номинации фитонимов в зависимости от сферы их функционирования.

Изучение названий растений как продукта наивной языковой картины мира и в качестве терминологических единиц в рамках ботанической терминосистемы давно является предметом пристального внимания лингвистов [Забинкова 1966: 368-393; Киселевский 1962; Иремашвили 1987; Балашова 1999: 226-228, Слесюк 2001: 126-134; Колосова 2009]. Вместе с тем известно, что в процессе познания сложного природного объекта его изучение проводится не одной «всеобъемлющей» наукой, а под разными углами зрения различными, хотя и близкими науками. Растительный мир является объектом изучения не только фундаментальной науки — ботаники, но и прикладных наук, в частности, фармакогнозии — раздела фармации, который изучает растения с точки зрения их практического применения в качестве лекарственных средств. Единство объекта изучения предопределяет некоторую общность терминологического инвентаря, который используют эти науки для обозначения своих объектов. Однако разная целевая направленность фундаментальной и прикладной наук обуславливает структурно-семантическое своеобразие, как самих терминов, так и соответствующих терминологий. В данной статье речь пойдёт об особенностях фитонимов, функционирующих в терминологии фармакогнозии — прикладной науки, которая изучает лекарственные растения, растительное сырьё, продукты их первичной переработки.

Несколько слов о выборе предмета исследования. Фармакогнозия — высокоспециализированная наука. История её развития в Европе насчитывает несколько столетий. Эпоха Великих географических открытий способствовала бурному развитию этой области фармации. В 17-19 вв. европейские страны ввозили из своих колоний лекарственные растения и лекарственное растительное сырьё, и первоначально фармакогнозия (по-французски — *la matière première* «растительное сырьё») представляла собой описательное товароведение. Её назначением было детальное морфолого-анатомическое диагностирование растительных объектов. Досконально описывались сорта различных видов сырья, поступающего на фармацевтический рынок, их достоинства и недостатки. Терминологический инвентарь науки пополнялся новыми лексическими единицами, обозначавшими понятия, зачастую неизвестными фундаментальной науке — ботанике.

Прикладной характер науки обусловил своеобразие предмета ее изучения и структуру исходных понятий и терминов. Если предметом ботаники является растение в целом, во всей совокупности его частей, то предмет фармакогнозии составляет так называемое лекарственное растительное сырьё (*la drogue simple*), которое образуется отдельными частями растений или их продуктами, получившими практическое применение. В связи с этим исходными элементами рассматриваемой терминосистемы являются названия растительного сырья с эксплицитным (1) или имплицитным (2) выражением структурно-смысловых компонентов, например: 1) *Feuilles de Belladone* (листья красавки), *racine de Réglisse* (корень солодки), *fleurs d'Arnica* (цветки арники), *essence de Lavande* (лавандовое масло), *résine d'Euphorbe* (смола молочая); 2) *Jaborandi* (яборанди — листья разных видов пилокарпуса, *Pilocarpus*), *Séné* (сенна — листочки и плоды многих растений рода кассия, *Cassia*), *Opium* (опий — сгущенный на воздухе сок коробочек мака снотворного, *Paraver somniferum*).

Неоднородность смысловой структуры полученных наименований предполагает раздельное рассмотрение, с одной стороны, названий собственно фитонимов, функционирующих в составе терминов фармакогнозии, с другой стороны, названий растительного сырья с имплицитной формой выражения структурно-смысловых компонентов.

Наименования растений, функционирующие в терминологии фармакогнозии, существенно отличаются от названий, которыми оперирует ботаника, как с точки зрения их структуры, так и словесного оформления. Ботаника, являясь фундаментальной наукой, рассматривает растения как существующие независимо от человеческой деятельности природные объекты. Термины ботаники призваны объективно отражать биологические свойства растений. Это нашло соответствующее выражение в биномиальной структуре ботанических названий, содержащей в скрытом виде таксономическую иерархию понятий науки. Структура названий растений, используемых в прикладной науке, неоднородна и представляет собой довольно пеструю картину, которая включает: 1) биномиальные обозначения, полностью заимствованные из латинской или французской ботанических систем, например: *Evonymus atropurpureus*, *Adonis vernalis*, *Lobelia enflée*, *Mercuriale annuelle*, *Aconit napel*, *Verveine odorante*; 2) мономинальные обозначения, представляющие собой родовые наименования (включающие подчас несколько видов): *Grindelia* (*Grindelia robusta*, *Grindelia squarrosa*), *Strophanthus* (*Strophanthus hispidus*, *Strophanthus gratus*, *Strophanthus Kombe*), *Viburnum* (*Viburnum prunifolium*, *Virburnum opulus*) или видовые названия: *Psyllium* (*Plantago psyllium*), *Uva-ursi* (*Arctostaphylos uva-ursi*), *Sabine* (*Juniperus sabina*), *Douce-amère* (*Solanum dulcamara*); 3) народные названия, которые в ботанике были заменены книжными, латинизированными обозначениями: *Pied-de-chat* (*Antennaria dioica*), *Pied d'alouette* (*Delphinium*), *Epine-vinette* (*Berberis vulgaris*), *Camomille romaine* (*Anthemis nobilis*), *Dictame de Crète* (*Origanum dictamnus*), *Bouillon-blanc* (*Verbascum thapsus*), *Pensée sauvage* (*Viola tricolor*) и др.

Неоднородный характер структуры рассматриваемых наименований обусловлен, прежде всего, тем, что совокупность лекарственных растений не сто-

ит в каком-либо системном отношении к миру растений вообще. Многие ботанические виды и даже роды не нашли практического применения, другие — напротив, используются очень широко. Следовательно, в основе этой искусственной по отношению к объективному миру группы растений лежит не теоретическое, а практическое отношение к ним человека. Из огромного разнообразия растительных форм человек выделяет отдельные ботанические виды, основываясь на их способности оказывать определенное воздействие на человеческий организм, т. е. быть функционально пригодными.

Поэтому в отличие от ботанической терминосистемы, которая является своего рода теоретической моделью отношений, реально существующих в живой природе, группа слов, которая называет материальные объекты, созданные человеком или имеющие непосредственное отношение к человеку, не поддается упорядочению по родо-видовому принципу и требует внутренней систематизации на иных основаниях [Степанов 1981: 78], в данном случае на основании практического назначения обозначаемых ими реалий.

Отсюда вытекает весьма важный вывод: структурное различие ботанического наименования и названия растения, используемого в прикладной науке, определяется неодинаковой функциональной нагрузкой, которую они несут в системе понятий своих наук. Ботанический термин не только называет предмет, но и представляет его в знании. Функции фармакогностического термина более ограничены и заключаются, главным образом, в том, чтобы по возможности более точно и однозначно назвать предмет для практических целей, не указывая на его место в системе теоретического знания и, следовательно, не раскрывая его биологической сущности. Эти обстоятельства предопределили широкое распространение народных наименований в рассматриваемой терминосистеме.

Вместе с тем приведенные выше примеры показывают, что как фундаментальная, так и прикладная наука для выражения своих понятий во многих случаях используют один и тот же терминологический инвентарь. Однако при совпадении плана выражения план содержания этих лексических единиц очень часто не совпадает. Это явление, свойственное и другим наукам, связано с тем, что в основе разных систематизаций одного и того же предметного мира лежат разные системы понятий. Поэтому значения одних и тех же терминов, включенных в разные системы понятий, не полностью совпадают друг с другом [Степанов 1977: 295-297].

Так, в системе понятий ботаники термин *Gentiane* является обозначением рода, который объединяет несколько десятков видов (во флоре Франции — 31); в то же время, функционируя в терминологии фармакогнозии, он обозначает вполне конкретный вид — *Gentiana lutea* (горечавка желтая), единственный из всех нашедший применение в медицинской практике. *Psyllium*, обозначая в ботанике один из видов подорожника — *Plantago psyllium* (подорожник блошный), выделился в фармакогнозии в самостоятельный термин. Этим было подчеркнуто несовпадение с функциональными признаками растения, обозначенного родовым термином *Plantain*. Однако вместе с изменением сферы функционирования изменилось и содержание лексической единицы: на осно-

ве общности сигнификата термин *Psyllium* объединил, кроме собственно *Plantago psyllium*, еще один ботанический вид — *Plantago arenaria* (подорожник песчаный) и приобрел тем самым свойства родового имени.

Большая роль в лингвистическом оформлении фармакогностических фитонимов отводится прилагательному *officinal* «аптечный, лекарственный», которое заменяет видовой эпитет ботанического фитонима, эксплицитно указывая на сферу функционирования, например: *бот. Chiendent rampant* (пырей ползучий) — *фарм. Chiendent officinal* (пырей лекарственный), *бот. Pervenche mineure* (барвинок малый) — *фарм. Pervenche officinale* (барвинок лекарственный).

Употребление прилагательного *officinal* в приведенных словосочетаниях можно объяснить лишь на основе экстралингвистических данных, в частности с учетом традиций народной и научной медицины. Дело в том, что в народной медицине наряду с указанными растениями используются и другие близкие виды, не рекомендуемые к применению научной медициной. Например, кроме *Pervenche mineure* (*Vinca minor* — барвинок малый) в народной медицине применяется *Pervenche majeure* (*Vinca major* — барвинок большой), обладающий сходным, но более слабым действием; наряду с *Aunée commune* (*Inula helenium* — девясил высокий) народная медицина использует и другие виды девясила: *Inula dysenterica*, *Inula viscosa*, *Inula conyza*, *Inula squarrosa*. Замена видового эпитета прилагательным *officinal* придает всему словосочетанию значение «применяемый в медицине, лекарственный».

Другую группу терминов фармакогнозии образуют названия растительного сырья, а также названия некоторых продуктов растительного происхождения (смол, соков, камедей, бальзамов и т. п.) с имплицитной формой выражения структурно-смысловых компонентов. Несмотря на то, что обозначаемые этими терминами предметы находятся в разных отношениях к объекту — исходному растению, мы сочли возможным рассматривать их недифференцированно. Это вызвано наличием некоторых специфических особенностей, общих для названной группы терминов. Одна из наиболее характерных особенностей состоит в том, что подавляющее число наименований заимствовано из других, как правило, редких языков, например: *Galanga* < *араб. khalangjan* «сладкий имбирь» — калган (корневище растений семейства имбиревых); *Curcuma* < *перс. kourkoum* «шафран» — куркума, каркамель, желтый имбирь (корень растений семейства имбиревых *Curcuma longa* и *Curcuma tinctoria*); *Quinquina* < *кечуа* (язык индейцев в Перу) *kinakina* «кора» — хинная корка (кора многих южноамериканских растений рода *Cinchona*); *Jaborandi* < *гуарани* (язык индейцев в Парагвае) — яборанди (листья экзотических деревьев семейства рутовых); *Saoutchouc* < *исп. caucho* «древесный сок» — каучук (эластичное вещество, получаемое из сока многих растений-каучконосов).

Данные наименования возникли в языке как обозначения определенным образом обработанного сырья, которое, как правило, ввозилось из-за границы и точное ботаническое происхождение которого долгое время оставалось неизвестным. Например, *Galanga* (имбирь) как лекарственное сырье было известно уже в 870 г., а производящее его растение было открыто лишь в 1870 г.

Войдя в лексику французского языка на правах «экзотизмов», позднее они оказались включенными в лексическую систему языка, вызвав в ней определённые лексико-семантические изменения.

Развитие науки, открытие ботанических источников давно известных продуктов, т. е. возникновение особых экстралингвистических условий, послужило толчком для семантического развития известных терминов. «Пустые клетки» в терминологии ботаники заполнялись уже известными наименованиями, которые получали новое реальное содержание. Наиболее естественным путем развития значений слов явился метонимический перенос, в частности, синекдоха. В результате многие лексические единицы, используемые первоначально для обозначения растительного сырья, стали употребляться ботаниками для обозначения соответствующих растений, например: *Séné* — 1. Nom de petits arbustes de la famille des Légumineuses qui croissent dans la haute Égypte, l'Arabie et la Syrie; 2. Fruits ou gousses des trois espèces de cassia; *Galanga* — 1. Plante herbacée vivace et rhizomateuse de la famille des Zingiberaceae, originaire de Chine; 2. Gros rhizome noueux est très utilisé dans la cuisine de Thaïlande, de Malaisie et d'Indonésie; *Quinquina* — 1. Arbuste ou petit arbre de la famille des Rubiacées, originaire de l'Équateur. 2. Écorce de quinquina (une drogue).

Ещё одна особенность данной лексико-семантической группы состоит в одинаковом характере синтагматической сочетаемости, который обнаруживается в торговых наименованиях растительного сырья. Существование торговых названий сырья связано с потребностями мировой торговли и вызвано, в первую очередь, тем, что один и тот же ботанический вид в зависимости от природных условий его произрастания, особенностей обработки сырья и других факторов может быть источником разных торговых сортов и, наоборот, один и тот же сорт сырья может быть получен от разных с ботанической точки зрения растений. Сохранению торговых названий в терминологии фармакогнозии способствуют не только внеязыковые, но и внутриязыковые причины, так как в случае «межсистемной» полисемии в торговых названиях происходит актуализация значений, релевантных для системы понятий прикладной науки.

Торговые названия строятся по родо-видовому принципу и состоят обычно из двух слов: первое представляет собой общепринятое обозначение сырья или продукта, второе дает ему внутривидовую характеристику на основе различных параметров. Так, очень часто разграничение торговых сортов происходит по географическому признаку, например, скаммоний (фр. фарм. *Scammonée*) — высушенный млечный сок некоторых растений — поступает в продажу под следующими торговыми марками: а) *Scammonée d'Alep* (из сока вьюнка смолоносного, *Convolvulus scammonia*), б) *Scammonée de Smyrne* (из сока некоторых растений семейства кутровых, в том числе *Periploca scammonia*), в) *Scammonée de Bourbon* (из обвойника мавританского, *Periploca maurutiana*); д) *Scammonée de Montpellier* ou *Scammonée en galettes* (из ластовня острого, *Cynanchum monspeliacum*). Другой пример: корень солодки (*Réglisse officinale*), получаемый из растения *Glycyrrhiza glabra* (солодка го-

лая), поступает на рынок под торговыми марками *Régliste d'Espagne* (d'Alicante), *Régliste de Bayonne*, *Régliste de Calabre*, *Régliste de Russie*, *Régliste d'Iran*, Синтагматическая сочетаемость фитонима *Régliste* с обозначениями географических объектов снимает междисциплинарную полисемию, указывая на принадлежность к терминологии прикладной науки.

Помимо географического признака, основой для дифференциации сырья могут служить некоторые особенности его внешнего вида (форма, цвет, размер, запах и т. п.). Например, ароматичная камеде-смола сторакс (фр. фарм. *Storax*), получаемая из растений стиракс припудренный (*Styrax pulverulenta*), стиракс лекарственный (*Styrax officinalis*), ликвидамбар восточный (*Liquidambar orientalis*) и поступающая в Европу из стран Малой Азии и Сирии, имеет несколько торговых названий *Styrax solide*, *Styrax liquide*, *Styrax rouge-brun ou Calamite*, *Styrax amygdaloide*, *Styrax blanc*, *Styrax en pain*. Камеде-смола аса-фетида, или вонючая камедь (фр. фарм. *Assa-foetida*), получаемая из растений ферула вонючая (*Ferula assa-foetida*) поступает в торговлю под названиями: 1. ***Assa foetida en grains***, представляющая собой мелкие красно-желтые кусочки, маслянистые на ощупь; 2. ***Assa foetida en larmes***, имеющая вид слипшихся зерен или коричневатой массы с белыми кусочками, напоминающими миндальные орехи; 3. ***Assa foetida pierreuse***, состоящая из желтовато-белых кусков с блестящими вкраплениями.

Из примеров видно, что одни и те же лексические единицы (*Styrax*, *Asa-foetida*) обслуживают терминологию и фундаментальной, и прикладной науки, но различная синтагматическая сочетаемость снимает междисциплинарную полисемию: в словосочетаниях *Styrax officinale*, *Styrax pulverulente* раскрывается значение «растение», а в словосочетаниях *Styrax liquide*, *Styrax solide* — значение «смола, бальзам», существенное для фармакогнозии. Актуализация значений может происходить и в более широком контексте, например: «On falcifie le *Styrax* avec les résines des Conifères» (Стиракс подделывают с помощью смолы растений семейства хвойных).

В некоторых случаях дифференциация осуществляется путём конвенционального закрепления за разными орфографическими вариантами названия значений, релевантных для каждой из наук, например, в ботанике растения семейства кола обозначаются словом *Cola*: *Cola acuminata* (кола заострённая), *Cola vera* (кола настоящая), *Cola nitida* (кола блестящая), *Cola Balleyi* (кола Баллея), *Cola verticillata* (кола мутовчатая), а за названием функционально значимой части растения — ореха, или семени колы закреплен термин *Kola* (торговые названия: *Grosse noix de Kola ou Kola-demis*, имеющего две семядоли и производимого видами *Cola acuminata* и *Cola vera*, и *Petite noix de Kola ou Kola-quarts* — с 4-6 семядолями и производимого видом *Cola Balleyi*).

Увеличение оппозитивных различий, которое достигается сочетанием разных оснований деления (географическая отнесенность и особенности внешнего вида) позволяет значительно увеличить коммуникативные возможности терминологии и отразить разновидности торгового сырья во всем их многообразии. Например, из двух ботанических видов *Ferula galbaniflua* (фе-

рула гальбаносная) и *Ferula rubricaulis* (ферула красностебельная) получают лекарственное растительное сырье — камеде-смолу гальбан (*фр. фарм. Galbanum*), которая на мировой рынок поступает под разными торговыми названиями: *фр. торг.* 1) *Galbanum en masses* (в крупных кусках): а) *Galbanum mou ou du Levant*, б) *Galbanum sec ou Galbanum de Perse*; 2) *Galbanum en larmes* (в виде слипшихся зерен), 3) *Galbanum liquide* (в жидком виде).

Таким образом, термины-фитонимы, функционирующие в терминологии прикладной науки обнаруживают некоторые специфические черты, характерные для данной лексико-семантической группы, а именно: заимствованный характер наименований, существование единой модели образования лексико-семантических вариантов, одинаковая синтагматическая сочетаемость. Совокупность этих языковых закономерностей свидетельствует об ином характере организации терминологической лексики по сравнению с ботанической номенклатурой. Несовпадение структуры и принципов упорядочения терминов-фитонимов, обслуживающих разные области знания, обусловлено различной целевой направленностью фундаментальной и прикладной наук и связано с противопоставлением категорий «естественное», (т. е. созданное природой) и «искусственное», (т. е. сознательно и целенаправленно созданное человеком), указывающих на различные модусы существования объектов познания окружающего мира [Саймон 2009: 24-25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Т. В. Синонимия и вариативность в названиях лекарственных растений // Предложение и слово. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1999. С. 226-228.
2. Забинкова Н. Н. Некоторые вопросы происхождения и правописания русских ботанических терминов // Ботанический журнал. Т. 51. № 3. 1966. С. 368-393.
3. Иремашвили М. О терминологической синонимии названий лекарственных растений. // Труды Тбилисского ун-та: Серия гуманитарных и общественных наук. Вып. 14. Тбилиси, 1987. С. 276-280.
4. Киселевский А. Н. Белорусская ботаническая терминология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1962. 24 с.
5. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
6. Слесюк Е. Н. Принципы номинации лекарственных трав в русском языке // Языкознание: современные подходы к традиционной проблематике. Калининград: КГУ, 2001. С. 126-134.
7. Саймон Г. Науки об искусственном; пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2009. 142 с.
8. Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. 203 с.
9. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 361 с.
10. Bruneton J. Pharmacognosie: Phytochimie, plantes médicinales. 3e éd. rev. et augm. Paris: Tec & Doc Lavoisier Édition, 1999. 348 p.